

Н. Н. Кошкарлова

*Южно-Уральский государственный университет
пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия*

nkoshka@rambler.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу лингвистических подходов к изучению конфликтного дискурса. Конфликт рассматривается как разновидность деструкции дискурса. Предлагается наше понимание деструкции дискурса с опорой на трактовку феномена деструкции в других исследовательских парадигмах. Описываются такие виды деструкции дискурса, как ликоущемляющие акты, коммуникативный промах, коммуникативный провал, коммуникативная неудача, нарушения, трудности, барьеры, коммуникативный конфликт. На основании нескольких определений конфликта в речевой коммуникации предлагается собственное понимание коммуникативного конфликта при его функционировании в межкультурном политическом пространстве. Намечаются перспективы исследования функционирования коммуникативного конфликта на материале таких жанров, как короткая новость, расширенная новостная заметка, интервью, пресс-конференция, комментарий.

Ключевые слова: конфликтный дискурс, конфликт, коммуникативный конфликт, деструкция дискурса, межкультурное политическое пространство.

С лингвистической точки зрения конфликт изучается представителями двух направлений: лингвистической конфликтологии и юридической лингвистики. В данном исследовании описываются лингвистические подходы к изучению конфликтного дискурса в межкультурном политическом пространстве. *Межкультурное политическое пространство* мы определяем как область взаимодействия субъекта, объекта и наблюдателя, представляющих разные национально-культурные сообщества, с неперменной вербализацией средствами языка, реализацией в текстах тех или иных жанров политической коммуникации и различной модальностью как следствия напряженного или толерантного отношения коммуникантов друг к другу.

Как отмечают исследователи, «как язык, так и речь имеют такие конфликтогенные

свойства, которые провоцируют пользователей языка на конфликтное взаимодействие» [Третьякова, 2003. С. 156]. По словам Н. Д. Голева, «любой коммуникативный акт потенциально конфликтен, любое высказывание хранит в себе потенциал непонимания... или двусмысленного понимания» [2003. С. 35]. Исследователь даже высказывает такую мысль, что язык существует и для того, чтобы создавать конфликты. В этой связи, отмечает автор, правомерно говорить об инвективной функции языка: «любой язык содержит набор лексических и фразеологических инвективных средств, интонационных схем, схем речевого поведения, обслуживающих зону инвективности» [Там же].

Итак, не вызывает сомнения, что конфликт является неотъемлемым фактором деструкции любого дискурса. При изучении речевого общения важным является опреде-

ление того термина, который достаточно точно передает суть изучаемого феномена. Наименее общими, однако гораздо чаще употребляемыми для обозначения различных видов деструкции дискурса являются такие термины, как *ликоущемляющие акты*, *коммуникативный сбой*, *коммуникативный промах*, *коммуникативный провал*, *коммуникативная неудача*, *коммуникативная помеха*, *коммуникативный барьер*, *языковой конфликт*, *речевой конфликт*.

Безусловно, что любой конфликт (в том числе и коммуникативный) есть проявление деструкции дискурса соответствующего типа. Термин *деструкция* был заимствован из учения постмодернизма, в котором он обозначает изменение традиционных эстетических категорий, разрушение устоявшихся видов и жанров искусства, пересмотр классических представлений о прекрасном и безобразном. В настоящее время феномен деструкции проник во все виды дискурса и проявляется на различных уровнях взаимодействия его участников. Так, В. А. Самкова полагает, что сегодняшнюю эпоху можно определить как время «тотальной деструктивности, где затруднены процессы социализации и культурной идентификации» [2012. С. 111]. По мнению автора, причиной деструкции не только социального пространства, но и структуры личности являются глобализационные процессы. В отношении политического дискурса и его деструкции речь, на наш взгляд, идет также о несовпадении взглядов сторон на мировые события, что не может не отразиться в восприятии этих фактов участниками политической коммуникации. Особенно ярко деструкция дискурса проявляется в межкультурном политическом пространстве, когда на «способность всех участников коммуникации адекватно интерпретировать замыслы, установки, цели, мотивы, идеологии и включаться в согласованные действия» [Там же] влияет их культурная идентификация.

Таким образом, в нашем исследовании под *деструкцией дискурса* применительно к межкультурному политическому пространству понимаются нарушения кодирования / декодирования информации, влияющие на процесс восприятия и интерпретации мировых событий и обусловленные культурными различиями, этноцентризмом, стереотипами, свойственными участникам коммуникации. Выше мы уже отметили, что в лингвистике

существует немало терминов для обозначения деструкции дискурса. Дадим характеристику некоторых из них.

Ликоущемляющие акты. Ликоущемляющие акты являются тем основанием, на базе которых может быть рассмотрена и проанализирована специфика речевого поведения индивидов в конфликтном типе взаимодействия. Как отмечает Н. А. Каразия, «конфликтный дискурс, ведущий к дестабилизации отношений участников коммуникации, порождает ликоущемляющие акты, цели которых вступают в противоречие с позитивной направленностью общения» [2004. С. 4]. Далее автор указывает на то, что «для прагмалингвистического исследования представляет интерес как анализ ликоущемляющих актов с формальных позиций (т. е. с точки зрения способов лингвистического выражения интенций адресанта), так и изучение их функционирования в динамике речевого взаимодействия с учетом контекста ситуации общения» [Там же].

Коммуникативный сбой. Термин предложен Е. В. Падучевой, под которым она понимает «возникновение в высказывании другого смысла, не предполагавшегося субъектом речи, причиной чего является использование участниками коммуникации разного набора кодов для передачи и получения информации» [1982. С. 15]. Как отмечает Н. Л. Шубина, «коммуникативный сбой следует отличать от коммуникативного дефекта, обусловленного незнанием правил коммуникации, отсутствием языковой компетенции или недостаточной культурой владения родным языком» [1996. С. 15]. В. С. Третьякова указывает на то, что коммуникативный сбой и коммуникативный дефект – очень близкие понятия и одно часто обуславливает другое. Незнание правил коммуникации или некомпетентность одного из коммуникантов является причиной того, что для передачи или получения информации выбирается такой код, который не соответствует ситуации общения и провоцирует неадекватную интерпретацию высказывания, что и приводит к коммуникативному сбою [2003].

Коммуникативный промах. Под коммуникативным промахом Е. В. Клюев понимает «ошибки в идентификации коммуникативного акта» [2002. С. 55]. Ошибки идентификации коммуникативного акта, по мнению автора, можно представить следующей клас-

сификацией: коммуникативный акт неуместен; коммуникативный акт несвоевременен; коммуникативный акт дисбалансирован; коммуникативный акт дезориентирован [Там же]. При этом, отмечает автор, различать неуместные и несвоевременные речевые акты бывает иногда очень трудно. Под дисбалансом речевого акта понимается ошибочная его адресация.

Коммуникативный провал. Этот термин используют Т. В. Шмелева, В. В. Красных. При этом В. В. Красных трактует коммуникативный провал как «полное непонимание коммуникантами друг друга (неадекватная коммуникация)», а «недостаточное полное взаимопонимание участников коммуникации (недостаточно адекватная коммуникация) определяется автором как коммуникативный сбой» [2001. С. 173]. Т. В. Шмелева определяет коммуникативный провал как отсутствие кооперативных действий партнёров по коммуникации [1988. С. 170]

Коммуникативная неудача. Термин используется в исследованиях, связанных с изучением деструктивного типа речевого общения (см.: [Городецкий и др., 1985; Ермакова, Земская, 1993]) и определяет полное или частичное непонимание высказывания партнёром по коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего. В. С. Третьякова считает термин *коммуникативная неудача* наиболее адекватным, так как он охватывает как «любое непонимание партнёрами по коммуникации друг друга», так и любой «нежелательный эмоциональный эффект процесса коммуникации» [2003. С. 55]. При этом автор рассматривает коммуникативные недоразумения и сбои как частные проявления коммуникативной неудачи. Эти проявления могут быть сняты в речевом общении при помощи дополнительных коммуникативных шагов: переопросов, уточнения, пояснений, наводящих вопросов, переформулирования, в результате чего может быть осуществлено коммуникативное намерение говорящего.

Нарушения, трудности, барьеры. По степени протекания и психологическим последствиям, по степени неудовлетворенности общением и вовлечённости обоих партнёров, по возможности и способам устранения трудностей межличностного общения В. Н. Куницына выделяет нарушения (самые тяжёлые), трудности, барьеры [1991].

Нарушения межличностного общения – это двустороннее осложнение общения и отношений, болезненное взаимодействие, при котором психологическая сторона обусловлена такими личностными свойствами общающихся, как неумеренное тщеславие и зависть [Там же. С. 16].

К коммуникативным барьерам, препятствующим взаимодействию и успешному общению, относятся «проблемы, вызванные несформированностью умений и навыков общения, незнанием норм, социальной неуверенностью» [Там же. С. 17]. Е. В. Залюбовская предложила следующее определение коммуникативного барьера – это «абсолютное или относительное препятствие эффективному общению, субъективно переживаемое или реально присутствующее в ситуациях общения, причинами которого являются мотивационно-операциональные, индивидуально-психологические, социально-психологические особенности общающихся» [1984. С. 105]. Психологические барьеры препятствуют в первую очередь взаимопониманию и затем уже осложняют взаимодействие. К психологическим барьерам относятся предубеждения, предрассудки, социальные стереотипы. Существенной характеристикой барьеров является то, что они возникают без предварительного намерения, протекают внешне бесконфликтно и сопровождаются внутренними напряжениями, неудовлетворенностью общением, отрицательными эмоциями.

Трудности, в отличие от нарушений и барьеров, имеют субъективную природу и представляют острые эмоциональные переживания субъекта в ходе общения в определённых ситуациях, сопровождающиеся внутриличностным и нервно-психическим напряжением. Трудности различаются по степени нервно-психического напряжения, ситуациям, в которых они имеют тенденцию возникать. В. Н. Куницына предложила классификацию трудностей межличностного неформального общения по их причинной обусловленности (в рамках психической нормы) и содержательно-функциональным характеристикам.

1. Первичные трудности зависят от природных свойств человека, им свойственна более жесткая предопределенность и неизбежность их возникновения. Большую роль в их появлении играют биологические, психофизиологические, личностные свойства.

2. Вторичные трудности проявляются в условиях непосредственных контактов, обусловлены объективными, преимущественно внешними причинами. Они имеют психогенный или социогенный характер. Психогенные трудности создаются соматическими болезнями, а социогенные – внешними барьерами (коммуникативными, смысловыми, лингвистическими), неудачным опытом социальных контактов, просчетами воспитания.

По содержательно-функциональным характеристикам В. Н. Куницына выделяет две группы трудностей: 1) субъективно переживаемые, не всегда проявляющиеся в конкретном социальном взаимодействии и не очевидные для партнёра (социальная неуверенность, робость, застенчивость, неумение установить психологический контакт); 2) «объективные», т. е. обнаруживающие себя в условиях непосредственных контактов и снижающие успешность общения и удовлетворённость его протеканием (связаны с психофизиологическими особенностями личности, полнотой владения вербальными и невербальными средствами осуществления контакта, владением нормами, правилами, сформированностью психологической культуры общения) [2001. С. 16–18].

Человек по-разному раскрывается в различных видах и ситуациях речевого общения. Как утверждает К. Ф. Седов, больше всего индивидуальные особенности речевого портрета личности проясняют речевые ситуации, несущие в себе элементы психологического напряжения. К числу таких ситуаций автор относит коммуникативный конфликт¹.

Коммуникативный конфликт – это «речевое столкновение, которое основано на агрессии, выраженной языковыми средствами»². В основе коммуникативного конфликта, по мнению автора, лежит «стремление одного (или обоих) участников общения снять психологическое напряжение за счёт собеседника». Такого рода разрядке предшествует чувство фрустрации – «психологический дискомфорт, возникающий при невозможности добиться какой-либо цели».

В межличностном взаимодействии фрустрация возникает в том случае, когда (по мнению одной из конфликтующих сторон) коммуникативный партнёр нарушает нормы (правила) поведения. Область социальной психолингвистики, которая призвана гармонизировать процесс коммуникативного взаимодействия людей, получила название *психолингвистической конфликтологии*³. В соответствии с тяготением разных носителей языка к той или иной речевой стратегии И. Н. Горелов выделяет три типа языковой личности: *инвективная, куртуазная, рационально-эвристическая* [Горелов, Седов, 1997. С. 150].

Итак, обобщая различные определения коммуникативного конфликта, предложим нашу трактовку анализируемого понятия. Под *коммуникативным конфликтом* мы понимаем средство репрезентации и объективации речевой агрессии в процессе общения, которое может происходить в любой сфере человеческой деятельности, проявляться на уровне «группа – группа», «личность – группа (коллектив)» или «личность – личность» и иметь словесное выражение. Разновидностью коммуникативного конфликта мы считаем *конфликтный диалог*, который представляет собой языковое и речевое воплощение агрессивного и негативного состояния человека, его отношения к внешней ситуации и событиям, социальным взаимоотношениям. Мы считаем, что конфликтный диалог находит наиболее яркое проявление в тех жанрах межкультурной политической коммуникации, в которых максимально полно проявляются статусные роли собеседников, их отличия по социальному опыту, степени речевой культуры, т. е. все факторы, в той или иной степени влияющие на успех / неуспех коммуникации. К таким жанрам относятся: короткая новость, расширенная новостная заметка, интервью, пресс-конференция, комментарий.

Список литературы

Голев Н. Д. Взаимодействие естественно-го и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики // Право і лінгвістика: Матер. Міжнародн. науково-практичної

¹ Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7379>.

² Там же.

³ Там же.

конф. Симферополь; Ялта, 2003. Ч. 1. С. 33–41.

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: Учеб. пособие. М.: Лабиринт, 1997. 224 с.

Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1985. С. 64–78.

Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект: Сб. ст. М.: Наука, 1993. С. 30–64.

Залюбовская Е. В. Преодоление коммуникативных барьеров в условиях совместной деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.

Каразия Н. А. Прагмалингвистическое исследование акта упрёка в контексте современной американской речевой культуры: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Клюев Е. В. Речевая коммуникация: Учеб. пособие. М.: РИПОЛ Классик, 2002. 316 с.

Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Лекц. курс. М.: Гнозис, 2001. 269 с.

Куницына В. Н. Трудности межличностного общения: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. 38 с.

Падучева Е. В. Референциальный аспект высказывания (семантика и синтаксис местоимённых слов): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1982.

Самкова В. А. Социально-философский аспект дискурса как феномена коммуникативно-знаковой системы // Вестн. ВЭГУ. 2012. № 3 (59). С. 110–116.

Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003.

Шмелёва Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики: Сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 168–202.

Шубина Н. Л. Об адаптивных процессах в современной спонтанной речи // Аспекты речевой конфликтологии: Сб. ст. СПб., 1996. С. 13–24.

Материал поступил в редколлегию 16.05.2014

N. N. Koshkarova

*South Ural State University
76 Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation*

nkoshka@rambler.ru

LINGUISTIC APPROACHES TO CONFLICT DISCOURSE STUDY

The paper is devoted to the analysis of conflict discourse from the linguistic point of view. Communication conflict is viewed as a type of discourse destruction. The author proposes the definition of discourse destruction based on the interpretation of this phenomenon in other research paradigms. The following kinds of discourse destruction are described: face-threatening acts, communicative hole, communicative defection, communicative failure, violation, difficulties, barriers, communicative conflict. On the basis of several definitions of conflict in speech interaction the author's understanding of communication conflict is given. The perspectives for analyzing of communicative conflict on the basis of such genres as news, interview, press-conference, commentary are outlined.

Keywords: conflict discourse, conflict, communication conflict, discourse destruction, intercultural political area.